

DOI 10.23859/1994-0637-2017-2-77-8
УДК 81.255.2

© **Барина И.А., Нестерова Н.М., 2017**

Барина Ирина Александровна

Кандидат филологических наук,
доцент, Пермский национальный
исследовательский политехнический
университет (Пермь, Россия)
E-mail: barinova.i.a@yandex.ru

Barinova Irina Akeksandrovna

PhD (Philology), associate
professor, Perm National Research
Polytechnic University
(Perm, Russia)
E-mail: barinova.i.a@yandex.ru

Нестерова Наталья Михайловна

Доктор филологических наук,
профессор, Пермский национальный
исследовательский политехнический
университет (Пермь, Россия)
E-mail: nest-nat@yandex.ru

Nesterova Nataliya Mikhailovna

Doctor of Philology, professor,
Perm National Research
Polytechnic University (Perm, Russia)
E-mail: nest-nat@yandex.ru

**ОРИГИНАЛ–ПЕРЕВОД:
АФФИРМАТИВНАЯ СВЯЗЬ**

**SOURCE AND TARGET TEXT:
AFFIRMATIVE RELATIONSHIP**

Аннотация. Статья посвящена одной из «вечных» проблем перевода, а именно: проблеме соотношения «оригинал» – «перевод». В теории перевода данная проблема трактуется с различных точек зрения. В представленной статье отношения между оригинальным текстом и его переводом рассматриваются в терминах теории метатекста, предложенной А. Поповичем.

Abstract. The article deals with a perennial problem of translation, namely the problem of relationship between a source text and a target text. The problem is addressed from different points of view in the translation studies. In the article the relationship between a source text and its translation is reviewed in terms of metatext theory proposed by A. Popovich.

Ключевые слова. Текст, оригинал, перевод, метатекст, аффирмативная связь.

Key words. Text, source text, target text, metatext, affirmative relationship.

Введение

Как известно, в теории и практике перевода существуют так называемые «вечные вопросы», их можно считать одновременно и «старыми», и «новыми». К ним относятся переводческая эквивалентность и ее типы, процедура и стратегия перевода, перевод как коммуникативный акт, прагматика перевода, а также такие глобальные понятия, как сущность перевода, переводимость, адекватность перевода. Их «вечность» объясняется ненаблюдаемостью перевода, его неуловимостью, с одной стороны, и отсутствием единого представления о переводе, его онтологии, с другой стороны. В 1956 году английский лингвист Джон Р. Фёрс писал: «Существование перевода является серьезным вызовом лингвистической теории и философии. Знаем ли мы, **как мы переводим?** Знаем ли мы хотя бы, **что мы переводим?** Если бы мы могли ответить на эти вопросы в строго научных терминах, мы значительно продви-

нулись бы вперед по пути создания новой всеобъемлющей общей теории языка и базы для философских обобщений» [4, с. 35].

Не одно поколение тех, кто задумывался об уникальном феномене перевода, пыталось ответить на эти онтологические вопросы. Попытки эти продолжаются и сейчас, приобретая все более и более интенсивный характер. Одним из таких вечных и ключевых вопросов является вопрос межтекстового взаимодействия в паре оригинал – перевод. В данной статье эти отношения рассматриваются как аффирмативная связь двух текстов: оригинального и переводного.

Основная часть

В настоящее время наука о переводе переживает период очень динамичного развития: изменился не только статус перевода в современном мире, но произошло и концептуальное изменение в понимании самого феномена перевода. Такое впечатление, что в сегодняшнем представлении о переводе актуализировались все семантические составляющие латинского и греческого слов, означающих перевод. Если взять эти слова и проанализировать их семантику, то мы получим следующую картину. Древнегреческое слово «герменейя» означает перевод, толкование, дар речи, речь. Тогда перевести – это значит изъять, выразить, истолковать. Латинское «traduco» (trans+duco) – водить через. Другое латинское слово «interpret» – толковать, объяснять, переводить, комментировать. Приставка «inter-» – между, посреди. Interpretatio – посредничество. Таким образом, складывается следующая семантическая картина понятия «перевод»: 1) через; 2) водить, возить; 3) толковать; 4) выражать; 5) комментировать; 6) посредничество. Очевидно, что такое емкое понятие не может означать только межъязыковой перевод, последний – это только частный случай перевода как универсальной речемыслительной деятельности. В свое время Р. Якобсон писал: «Для нас, лингвистов и просто носителей языка, значением любого лингвистического знака является его перевод в другой знак, особенно в такой, в котором, как настойчиво подчеркивал Пирс, <...> «оно более полно развернуто» [6, с. 17].

Якобсоновское понимание значения языкового знака позволяет считать, что механизм перевода действует во всех видах коммуникации: автокоммуникации, внутриязыковой, межъязыковой и межсемиотической, перевод может быть как интракультурным, так и интеркультурным. Такое «расширенное» понимание перевода нашло отражение в определении, которое дает ему философ и переводчик В.В. Биbihин: «Можно определить перевод как одно из проявлений человеческой способности, а именно способности к словесному (в некоторых случаях не обязательно словесному) выражению. Другими словами, перевод в наиболее общем смысле есть явление человеческого языка, а не человеческого разноязычия [1, с. 220].

Кроме расширения самого понятия «перевод» сегодня происходит и переосмысление многих вопросов, связанных с пониманием сущности этого сложного феномена. Перевод был осознан как точка пересечения практически всех проблем, как лингвистических, так и философских, культурологических, литературоведческих.

Многогранность перевода как явления языка, литературы, культуры и привела к тому, что перевод превратился из маргинального объекта лингвистических исследований в один из центральных вопросов гуманитарных наук в целом. Количество людей, попавших в «сети восхищения» переводом, значительно увеличилось, и они увидели новые горизонты в изучении этого притягательного своей сложностью и загадочностью феномена. Началось новое осмысление и переосмысление перевода уже в современном его понимании. Сегодня переосмысливаются такие дихотомии,

как автор/переводчик, первичность/вторичность текстов оригинала и перевода. Переопределяются и основные понятия старой парадигмы – эквивалентность и точность (верность) перевода. Seriously рассматривается проблема «видимости / невидимости» переводчика (L. Venuti). Остро обсуждается вопрос об ориентации процесса перевода, о так называемых “points of orientation” (G. Toury). Перевод стал рассматриваться больше как культурный, нежели чисто языковой феномен (A. Lefevere, S. Bassnett), возникло и философское направление, точнее, направления. Это прежде всего герменевтическое и деконструктивистское.

Если попытаться вычленив базовые положения современного переводоведения и тенденции их развития, то картина будет следующая:

1. Два подхода – лингвистический и культурологический, которые существовали изолированно друг от друга, стали сближаться, что, бесспорно, связано с пересмотром отношений язык/культура. Общей платформой стала семиотика, позволяющая посмотреть на перевод как процесс бесконечного семиозиса.

2. Интерес к истории¹, поиск «философских корней» проблем перевода в далеком и не очень далеком прошлом вызвал вопрос о периодизации в изучении перевода. Знакомство с прошлым перевода делает возможным по-новому оценить роль перевода в истории цивилизации.

3. Роль переводчика как соавтора (co-writer) или даже автора (creative writer) в жизни текста нашла выражение в появлении такого вопроса, как «видимость/невидимость» (visibility/invisibility) переводчика.

4. Переоценка отношений в паре оригинал/перевод приводит к «десакрализации» оригинала и его автора и, наоборот, к повышению статуса текста перевода.

5. Поиск различий между оригиналом и переводом с целью оценить качество перевода заменяется поиском причин, вызвавших эти различия. В центре внимания оказывается та проблема, которую Р. Якобсон назвал «кардинальной проблемой языка и центральной проблемой лингвистики», а именно: «эквивалентность при существовании различия» [4, с. 18]. Причины таких различий ищутся не только в языках, но и в «концептуальных и текстовых решетках» (conceptual and textual grids) (A. Lefevere).

6. Понимание перевода как текста, зависящего от оригинала, сменяется представлением о переводе как «новой жизни» оригинала (“the after-life of a text”). Появляется понятие «межъязыкового пространства», в которое и выходит перевод.

Такое множество и «пестрота» вопросов и концепций не может не тревожить тех теоретиков, которые ищут возможности создания некой обобщающей теории перевода. Заостренно-полемиическую точку зрения на современное состояние науки о переводе излагает известный отечественный исследователь перевода М.Я. Цвиллинг в статье под названием «Исчерпала ли теория перевода свои возможности?» Исследователь сравнивает путь, пройденный теорией перевода, с исканиями спелеологической экспедиции, обследующей огромную пещеру. «Сначала, – пишет ученый, – они (спелеологи – И.Б. и Н.Н.) как бы ощупью продвигаются по узкому проходу, предчувствуя скорый выход в просторный подземный зал, однако вместо этого оказываются перед множеством разветвляющихся ходов, образующих целый лабиринт. Можно сказать, что теория перевода столкнулась с парадоксальной ситуацией: чем

¹ Характерно появление таких фундаментальных антологий, как например, “Western Translation Theory from Herodotus to Nietzsche” (ed. D. Robinson), “Theories of Translation: An Anthology of Essays from Dryden to Derrida” (ed. R. Schulte and J. Biguenet) и уже упоминавшейся “The Translation Studies Reader”.

больше она узнает о своем предмете, тем труднее свести это знание в единую систему, тем менее достоверными и тем более относительными становятся ее утверждения». В результате, как считает Цвиллинг, исследователь перевода «покидает сферу позитивных наук и вступает в царство философского (а может быть и религиозно-го?) умозрения». Сама же теория перерастает «в междисциплинарную отрасль науки с явно выраженной многомерной структурой, сходной со знаменитой "игрой в бисер" из одноименного романа Германа Гессе». Исходя из такого видения современного переводоведения, ученый видит цель науки в выработке некоей метатеории, которая свела бы воедино все то множество различных представлений о переводе и заложила бы основы для формирования по-настоящему новой продуктивной парадигмы, «способной послужить прочным основанием для дальнейшего успешного продвижения нашей науки как равноправной и авторитетной дисциплины в общем потоке самопознания человечества» [5, с. 49–50].

Отсутствие единого подхода к пониманию и исследованию перевода подчеркивает и С. Басснетт, когда говорит о современном переводоведении. Ее слова представляют сжатую и, как нам кажется, точную характеристику науки о переводе сегодня: “The common threads that link the many diverse ways in which translation has been studied over the past two decades are an emphasis on diversity, a rejection of the old terminology of translation as faithlessness and betrayal of an original, the foregrounding of the manipulative powers of translator and a view of translation as bridge-building across the space between source and target. This celebration of in-betweenness, which scholars from outside the field of translation have also stressed, reflects the changing nature of the world” [7, p. 10]¹.

Однако в отличие от М.Я. Цвиллинга, С. Басснетт считает, что в современном переводоведении можно найти те нити (threads), которые связывают науку о переводе в нечто цельное при всем многообразии исследовательских направлений. Одной из таких нитей, на наш взгляд, является та, что связывает оригинал и перевод.

Первыми, кто межтекстовые отношения оригинала и перевода определил как научную проблему, были представители переводоведческой школы бывшей Чехословакии – И. Левый, Ф. Мико и А. Попович (60–70 гг. XX века). Работы И. Левого («Искусство перевода», «Перевод как принятие решения»), а позднее труд А. Поповича, посвященный проблемам художественного перевода, – это масштабные исследования, выросшие из идей чешских структуралистов, в частности Яна Мукаржовского, одного из самых признанных классиков эстетической мысли прошлого столетия. Я. Мукаржовский в своей работе «Искусство как семиологический факт» (1934), определяя специфику художественного произведения, отмечает его «непередаваемость», хотя оно и «предназначено для того, чтобы посредничать между его творцом и коллективом». В частности, он пишет: «Произведение – это еще и "вещь", представляющая его в чувственном мире и доступная восприятию всех без каких бы то ни было ограничений. Но художественное произведение не может точно так же быть сведено и к этому произведению-вещи, поскольку в результате перемещения во времени и пространстве такое произведение-вещь порой полностью изме-

¹ «Нитями, связывающими множество разнообразных направлений, в рамках которых исследуется перевод в течение последних двух десятилетий, являются признание множественности подходов, отказ от рассмотрения перевода в старых терминах «верности» оригиналу и его «предательства», выход на передний план переводчика и признание его манипулятивной власти, а также понимание перевода как возведения моста через пространство, разделяющее исходную и принимающую среду. Признание перевода как “in-betweenness” учеными не из мира переводоведов отражает меняющуюся природу нашего мира».

няет свой вид и свою внутреннюю структуру. <...> Такие изменения становятся осязаемыми, например, если мы сравниваем между собой ряд следовавших друг за другом переводов одного и того же поэтического произведения [2, с. 191].

Опираясь на концепцию литературной коммуникации, к формированию которой привели как раз идеи Я. Мукаржовского об изменчивости и живости литературного факта как знаковой деятельности, чешские теоретики перевода и начали разрабатывать методы системного исследования художественного перевода, обращая особое внимание на отношения оригинала и перевода, автора и переводчика. Так, в частности, А. Попович пытается ответить на следующие вопросы: «Является ли перевод специфическим текстом по отношению к другим литературным текстам? Если "да", то в чем его специфичность? Особое ли у него положение среди остальных текстов или он представляет собой самостоятельный "литературный жанр"?» [3, с. 24].

Отвечает он на данные вопросы в «мета-» терминах, выстраивая целую систему метафеноменов: метакоммуникативный аспект, метакоммуникативный контекст перевода, метакоммуникация, метаязыковая деятельность, метахудожественная деятельность переводчика, металитература, метатекст. Свою задачу он видит в том, чтобы «выработать типологию различных способов связи между текстами». Для этого он делит все тексты на прототексты и метатексты. Метатекст – это «модель прототекста, продукт связи, способ существования межтекстового инварианта между двумя текстами» [3, с. 184].

Типология метатекстов, которую предлагает чешский исследователь, ориентирована именно на определение места текста перевода среди других метатекстов, которые появляются в результате манипуляции с прототекстом. Рассматривая возможные виды манипуляции с текстом, в том числе манипуляции, осуществляемые самим автором, литературным критиком, читателем и пр., А. Попович отмечает, что «ни одна коммуникативная манипуляция с литературным текстом не зависит настолько от существования и особенностей оригинала, как перевод», поскольку «из всех способов реализации художественного текста перевод наиболее способствует продолжению "жизни" первоначального коммуниката». Отсюда и задача переводчика – «перенести оригинальное произведение в другую литературу и добиться того, чтобы оно при этом как можно меньше утратило своих общих, особенных и индивидуальных черт» [3, с. 147].

Для создания типологии метатекстов вводится понятие межтекстового инварианта, которым обозначается то, что объединяет два текста: прототекст и метатекст. Межтекстовый инвариант различен у различных метатекстов. Он может быть шкалирован от моделей, максимально близких прототексту (копия), до моделей, близость которых к прототекстам является минимальной (пародия). Перевод как метатекст находится где-то посередине между этими крайними точками, между крайними способами соотношения текстов.

Связь одного текста с другим – это **аксиологическая** операция, в которой проявляется авторская позиция по отношению к прототексту. Она может быть положительной или негативной. Для иллюстрации данных позиций Попович использует «верный» перевод (положительное отношение) и «свободный перевод» с преобладанием в нем деструктивного элемента (негативное, полемическое отношение). Соответственно этим отношениям метатексты делятся на **аффирмативные** и **контроверзные**. Перевод должен быть аффирмативным текстом, так как в нем реализуется аффирмативное отношение к первоисточнику, свидетельствующее о зависимости перевода от оригинала. «Суммарно текст перевода в его первичной функции – в от-

ношении к оригиналу – можно характеризовать как репрезентативную модель аффирмативной связи одного текста с другим» [3, с. 158].

Другие категории метатекстов, выделяемые А. Поповичем, – это контраверзные (пример – пародия), квазиметатексты (оригинальное произведение выдается за перевод или произведение другого автора), читательские метатексты («проекция читательских установок в образной структуре перевода») и т.д. Переводческую деятельность А. Попович определяет как «метахудожественную», как **«вторичное**, производное литературное творчество, непосредственный импульс которого – уже существующее произведение» [3, с. 158]. Связывают два текста в случае перевода аффирмативные отношения, и даже больше, если поверить Ж. Деррида: в основе феномена перевода лежит любовь – «Сильная форма желания, интереса и даже очарования».

Однако, как мы все знаем, и аффирмативные отношения, связывающие оригинал и перевод, могут быть разными. Отличаются эти отношения тем, насколько «свободно» манипулирует переводчик текстом оригинала. История перевода предлагает множество примеров, позволяющих увидеть «манипулятивную власть» переводчика как автора нового текста или, в терминологии А. Поповича, метатекста. Есть переводчики, которые выбирают путь «служения» автору и его тексту. Этот тот путь, который В.Набоков назвал “servile path”. А есть переводчики, которые демонстрируют иную позицию по отношению к оригиналу, т.е. к прототексту. Они идут по пути «переосмысления» последнего, в какой-то степени, даже «разрушая» его, но это не означает «негативного» отношения к нему. Это та вариативность в отношениях автор – переводчик, оригинал – перевод, которая вписывается в ту самую «золотую середину», куда помещал А. Попович перевод, предлагая шкалу метатекстов. В истории отечественного перевода классическим примером таких различных позиций по отношению к оригиналу являются позиции М. Лозинского и Б. Пастернака. Хорошо известна характеристика, которую дал сам Пастернак своему переводу и переводу Лозинского. Так, о своем переводе он говорил: «Работу мою надо судить как русское **оригинальное** драматическое произведение, потому что, помимо точности, равнострочности с подлинником и прочего, в ней больше всего той **намеренной свободы**, без которой не бывает приближения к большим вещам». В то время как перевод Лозинского он оценивал совершенно иначе: «В смысле близости в соединении с хорошим языком и строгой формой идеален перевод Лозинского. Это и театральный текст, и книга для чтения, но больше всего это единственное пособие для изучающего, не знающего по-английски, потому что полнее других дает понятие о внешнем виде подлинника и его словесном составе, являясь их послушным изображением». Благодаря такому различному отношению переводчиков, мы имеем две различные, но, можно сказать, «равновеликие» русские версии шекспировского текста. И совершенно очевидно, что обе они связаны со своим прототекстом «сильной формой желания, интереса и даже очарования», т.е. аффирмативной связью. Если рассматривать оба названных перевода в совокупности, то можно сказать, что в них актуализировались значения как греческого, так и латинского терминов.

Выводы

Анализ онтологической связи между оригиналом и переводом как аффирмативной показал, что данная связь является далеко не однозначной. Ее характер зависит от переводчика, от той стратегии, которую он выбирает для выполнения перевода, от того, будет ли он стремиться к «послушному изображению» или к «намеренной свободе». Результатом перевода может стать текст, который будет обладать высокой степенью «вторичности» или же переводной текст приобретет черты первичности, в

котором творческое «Эго» переводчика будет доминировать. Что предпочтительней? Вопрос, на который не может быть одного ответа. Вернее, он может быть следующим: чем больше разных переводов одного и того же текста, тем полнее и многомернее его понимание в принимающей лингвокультуре.

Литература

1. Биbihин В.В. К проблеме определения сущности перевода // Слово и событие. М., 2001. С. 215–227.
2. Мукаржовский Я. Исследования по эстетике и теории искусства. М., 1994. 606 с.
3. Попович А. Проблемы художественного перевода. М., 1980. 310 с.
4. Фёрс Д.Р. Лингвистический анализ и перевод // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М., 1978. С. 25–35.
5. Цвиллинг М.Я. Исчерпала ли теория перевода свои возможности? // Вопросы филологии. М., 2002. № 1. С. 48–50.
6. Якобсон Р. О лингвистических аспектах перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М., 1978. С. 16–25.
7. Bassnett S. *Translation Studies*. London and New York, 2002.

References

1. Bibikhin V.V. K probleme opredeleniia suschnosti perevoda [On the problem of translation nature definition]. *Slovo i sobytie* [Word and event]. Moscow, 2001, pp. 215–227.
2. Mukarzhovskii Ia. *Issledovaniia po estetike i teorii iskusstva* [Studies in aesthetics and art theory]. Moscow, 1994, 606 p.
3. Popovich A. *Problemy khudozhestvennogo perevoda* [Problems of literary translation]. Moscow, 1980, 310 p.
4. Fyors D.R. Lingvisticheskii analiz i perevod [Linguistic analysis and translation]. *Voprosy teorii perevoda v zarubezhnoi lingvistike* [Issues of translation theory in foreign linguistics]. Moscow, 1978, pp. 25–35.
5. Tsvilling M.Ia. Ischerpala li teoriia perevoda svoi vozmozhnosti? [Has translation theory exhausted its opportunities?]. *Voprosy filologii* [Issues of philology]. Moscow, 2002, no. 1, pp. 48–50.
6. Iakobson R. O lingvisticheskikh aspektah perevoda [On linguistic aspects of translation]. *Voprosy teorii perevoda v zarubezhnoi lingvistike* [Issues of translation theory in foreign linguistics]. Moscow, 1978, pp. 16–25.
7. Bassnett S. *Translation Studies*. London and New York, 2002.

Барина И.А., Нестерова Н.М. Оригинал–перевод: аффирмативная связь // Вестник Череповецкого государственного университета. 2017. №2(77). С. 59–65.

For citation: Barinova I.A., Nesterova N.M. Source and target text: affirmative relationship. *Bulletin of the Cherepovets State University*, 2017, no. 2 (77), pp. 59–65.